

Андрей Морозов

Ночные тени Петербурга

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Морозов

Ночные тени Петербурга

«Автор»

2026

Морозов А.

Ночные тени Петербурга / А. Морозов — «Автор», 2026

Ночной город хранит в себе множество тайн и неизвестные герои неустанно трудятся над сохранением его покоя, не осознавая, какую, по-настоящему, серьёзную борьбу они ведут. Но в миг возникновения фатального конфликта они открывают в себе невиданные способности противостояния злу.

© Морозов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Допустимое отклонение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Андрей Морозов

Ночные тени Петербурга

Глава 1. Допустимое отклонение

Савелия передёргивало от слова «плановое».

В Петербурге оно звучало как неотвратимая данность наряду с его сыростью, ветром с Невы, плесенью под подоконниками и трещинами в штукатурке, которая, всё же, оставалась поразительно крепка. Туда же можно было записать, удивляющую веками, способность домов и мостов не падать, а воде -- непререкаемую директиву оставаться в рамках каналов.

Плановое -- это когда тебя заранее предупредили, что непременно будет плохо, и этим будто бы оправдали любой исход. О «внеплановом» страшно и заикнуться, поскольку это синоним ужасной катастрофы.

Телефон, брошенный на пассажирское сиденье, завибрировал, когда Савелий вырулил с Лиговки в сторону старого фонда. В ночи старый город выглядел солиднее новых районов: меньше людей, больше тёмных, высоких окон и влажных фасадов, на которых кричащая реклама, как явление нового времени, смотрелась уродливо и пошло.

Вызов шёл от диспетчерской.

-- Дежурный слушает, -- сказал Савелий, включив громкую связь. Голос звучал в салоне глухо, как в пыльной щитовой.

-- Савелий, тебе плановое на сорок минут, -- ответила девушка. -- Староневский, дом... момент... семнадцать. Вводной щит. Замена группового автомата по внутреннему регламенту. Пара пустяков.

-- Плановое ночью? -- Савелий бросил взгляд на часы. Без пяти два.

-- У них «ночное окно», -- пояснила диспетчер. -- Договорённость, что днём нельзя. Магазины с кассами и терминалами. Офисы с компьютерами и серверами. Тебе не в первой.

Савелий поморщился. «Ночное окно» хоть и шло другим тарифом, но к аварийной работе отношения не имело, и могло отнять нужные руки в случае настоящей необходимости. Савелий не чурался работы и не надеялся дрыхнуть в ночную смену, но все эти пожелания барыг его порядком раздражали. Они постоянно разрастались, как плесень в ванной, которую если не отскрести, то расплзётся по всему дому.

-- Вводной щит, -- повторил он. -- Кто заказчик?

Возникла пауза. На фоне диспетчерской кто-то разговаривал, хлопала дверь, трещал принтер.

-- Управляйка. «Северный Дом», -- наконец сказала она. -- У них согласование есть, акт допуска есть, всё нормально. Савелий, не задерживайся, у меня ещё две аварии на Васильевском и один лифт встал, люди там как... ну ты понял.

-- Так какого чёрта мне туда?! Давай на лифт! -- Савелия бесила подобная избирательность, хотя он догадывался каким образом выстраиваются приоритеты.

-- Ай, брось! Хочешь, чтоб меня уволили? -- девушка почти плакала. -- Туда лифтовики уже мчат, вытасят.

-- А Васильевский? Варила слипшиеся пельмени когда-нибудь?

-- Два часа по регламенту! Умоляю! Успеешь. С меня... сам придумай!

-- Принял, -- сухо сказал Савелий и сбросил звонок.

Он включил печку на максимум. В старом «Соболе» она только делала вид, что работает. Едва тёплое дыхание рефлекторов намекало на близкую смерть устройства. От того в салоне не

избывал запах мокрой ткани, резины и ржавого железа. Это был запах неблагодарной работы, которая въелась под кожу и не собирается кончаться.

Савелий работал в городской аварийной службе восьмой год. До этого была стройка, потом армия, потом короткая попытка «в нормальную жизнь», которая закончилось первым же месяцем в офисе: он не выдержал заключения в коробке белых стен и тупости людей, которые не знают, что такое «петля фаза-ноль» и почему из-за неё можно погибнуть, но знают, как нагадить коллегам, пробиваясь по карьерной лестнице.

В полях, или по-другому, на выездах, всё было честно. Ток не врал и не притворялся, хотя порой и прятался в неожиданных местах. Он мог быть. А мог и не быть. Или быть там, где быть не должен. Мог оказаться врагом или другом в зависимости от настроения.

Дом на Староневском встретил Савелия так, как Петербург встречает почти всех: мокрой темнотой и презрительным намёком на то, что ты чужой, даже если родился здесь.

Савелий припарковался у арки, достал сумку с инструментом и пошёл к дворовой парадной.

В тусклом свете единственного уцелевшего фонаря, ему пришлось прыгать через вечные лужи, настолько древние, что они могли быть свидетелями Гоголя и Некрасова, случайно прогуливавшихся здесь когда-то давно. Он прошёл мимо кузова старого, разбитого «Москвича», стоящего на кирпичках вместо колёс и, ухмыльнувшись, подумал над дихотомией «Москва — Санкт-Петербург», где Питер -- кирпичи, фундамент, а убитое авто с гнилой сутью (колёс нет, а амбиции остались) — Москва. «Хотя, какая к чёрту дихотомия?» — отмахнулся Савелий сам от себя. «Два берега одной канавы. Только один берег банально завалили баблом, а на другом, в ответ, издевательски поставили потерянную гордость и честь столицы на кирпичи».

В одном из окон над магазинными витринами мерцал телевизор, в паре других, под ядовито-розовым светом, томилась рассада. Остальные жильцы давно спали и с утра даже не заметили бы короткого отключения энергии. Разве только, понимая кивнув, переустановили сбросившееся время на микроволновке.

Дверь была из новых -- дешёвая, слепая, китайская фольга с бездушной порошковой покраской, вносящая уродливый диссонанс в классический дизайн фасада. В полустворке был врезан антивандальный домофон, как страж от непрошенных гостей.

Савелий набрал служебный код и магнитный замок ослабил хватку.

Внутри пахло влажным камнем и кошками. Над почтовыми ящиками неровно мерцала светодиодная лампа с выгоревшими сегментами.

У щитовой стоял мужчина в спецовке с логотипом «Северного Дома». Лицо круглое, глаза усталые и растерянные, от того, видимо, что его заставляют отвечать за то, в чём он мало соображает.

-- Вы электрик? -- спросил он.

-- Савелий. Аварийная служба, -- Савелий махнул удостоверением, словно считал это лишним, да и не нравилась ему своя фотография в нём.

-- Мы это... -- мужчина поправил воротник. -- У нас согласование. У нас жалобы, что автоматы выбивает, и... ну вы понимаете. Сейчас по регламенту всё сделаем, всё будет хорошо.

Савелий не любил, когда ему обещали «хорошо». У электричества нет понятий «хорошо» или «плохо».

-- Ключ, -- потребовал он.

Мужчина достал связку, долго выбирал нужный ключ, ругнулся вполголоса и наконец открыл металлическую дверь.

В щитовой было тесно и душно. Внутри располагались вводной и этажный щиты. Жгуты проводов, словно корни деревьев, уходили в стену. Ботинки Савелия прилипли к полу, как только он вошёл внутрь. Как будто здесь недавно пролили пиво.

Савелий открыл створку шкафа и подсветил себе фонарём. Опытные глаза сразу определили новое на старом: свежий дешёвый автомат с подгоревшей фазой в ряду потемневших, ещё советских.

«Похоже, майнеры жгут уже не первый автомат», -- подумал Савелий с раздражением, но заметил кое-что странное.

На одной клемме была метка. Не привычная «L/N», не «PE», не цифра участка. Тонкая, почти незаметная линия, будто кто-то процарапал иголкой по пластику и остановился на половине знака.

Савелий провёл пальцем. Метка была ровной и осмысленной, не похожа на случайную царапину.

-- Это что? -- спросил он, не поворачивая головы.

-- Что? -- мужчина наклонился.

Савелий показал на метку.

-- Не знаю, -- мужчина сказал быстро. -- Это подрядчик менял. У нас... у нас всё по нормам.

«По нормам.» Как же это знакомо. Пара слов, за которыми можно спрятаться как в домике.

Савелий открыл сумку, достал индикатор, проверил проблемную клемму. Напряжение было. Ток усердно грел контакт. Изоляция провода высохла и потрескалась, но винт закручен намертво, то есть соединение надёжное.

-- Диспетчерская сказала «замена по внутреннему регламенту», -- сказал Савелий. -- Что ещё за регламент? Правила не нарушим?

Мужчина замялся, потом достал серую папку с прозрачным карманом, где лежал лист с размашистой подписью перекрытой синей печатью.

Савелий аккуратно, двумя пальцами, потянул лист из папки.

Документ выглядел как обычная инструкция. В оглавлении стандартная шапка: «Порядок проведения переключений при выполнении работ на вводном распределительном устройстве...». Далее пункты, подпункты, ссылки на ГОСТ, на «Правила технической эксплуатации».

И вдруг -- пункт, который говорил непонятно о чём.

«Компенсация баланса при восстановлении энергоснабжения (в пределах допустимого отклонения).»

Савелий перечитал. Потом ещё раз. Слова были знакомые, но вместе они звучали как что-то неуместно. Как если бы в инструкции по замене лампочки вдруг появилось «возможны осложнения в виде недовольства соседей».

-- «Компенсация баланса»? -- спросил он.

-- Это... -- мужчина сглотнул. -- Это стандартная формулировка. Нам так дали. Это, наверное, про нагрузку, про... ну, чтобы не было скачков.

Савелий смотрел на пункт и внутри у него поднималось чувство холодной уверенности, что в этом нет ничего хорошего, и сильно смахивает на юридическую перестраховку, хотя он всё равно не позволит себе отклониться от правил.

-- Жильцы предупреждены? -- спросил он.

-- Да-да. Объявление висит. В домовом чате извещение от УК. Всё как положено.

«Как положено» -- второй брат слов «по нормам».

Савелий вышел в подъезд и поднялся на один пролёт выше. Он любил ощутить ритм дома перед работой. Иногда, особенно в ночи, он чувствовал мистику в дыхании стен. Холодильники, лифты, древние стрекочущие кинескопы, щёлкающие выключатели, чьи-то еле различимые шаги. Электричество -- это музыка, которую никто не слышит, пока она не затихнет.

Сейчас музыка была нервной. Или ему так показалось. На втором этаже открылась дверь, и из квартиры, выпустив вперёд себя телевизионное мерцание, выглянул мужчина лет шести-

десяти. Худой, с лицом, которое можно было назвать умным, но больше уставшим от того, что его ум никому не требуется.

-- Вы... -- он посмотрел вниз, остановив взгляд на сумке с инструментом. -- Вы электрик?

-- Да, -- ответил Савелий.

-- Опять? -- спросил жилец. -- Сколько можно?

-- Плановое, -- пожал плечами Савелий.

Мужчина печально усмехнулся.

-- У нас тут всё плановое. Сердце -- тоже плановое? -- он скривился от боли и прикоснулся к груди. -- Вы только... вы включайте... как-то мягко. Не резко. У меня... ну.

Савелию раньше приходилось видеть таких людей, живущих с ощущением, что любая мелочь может стать для них последней. С ними надо было быть осторожней.

-- Я сделаю как надо, -- успокоил его Савелий. Он хотел сказать «не переживайте», но передумал. В его работе это слово было как дешёвая изолянта, надёжная только с виду.

Мужчина кивнул, осмотрел пролёты, и поспешно закрыл дверь, будто боялся, что кто-то ещё увидит его страх.

Савелий вернулся к щитовой.

-- Начинаем, -- сказал он работнику УК.

-- Да-да, конечно, -- ответил тот поёжившись, словно от холода.

Он включил налобный фонарь и отключил ввод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.